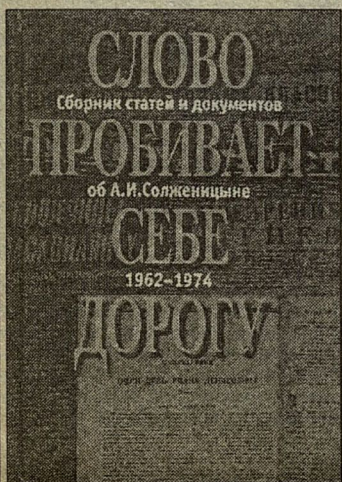

Владимир Глоцер: «МЫ ЖИЛИ КАЖДЫМ ЕГО ШАГОМ»

Солженицын говорит о власти, не считаясь с ее самочувствием

ЭТА КНИГА делалась втайне в 1969 году. Достаточно сказать, что в дом, где мы работали, я входил и выходил под окнами КГБ. Мы обменивались жестами и писали на бумаге — чтобы невозможно было даже прослушать переговоры. Потом бумага подвергалась аутодафе. Мы не объявляли даже число составителей, написав в начале «От составителя», чтобы хотя бы запутать тех, кто сунет нос. И говорю я это не ради того, чтобы представить себя и своего соавтора какими-то героями, а чтобы было понятно, в каких условиях делалась книга. В работе участвовала и Лидия Корнеевна Чуковская. Она написала предисловие, с ней составители обсуждали и название книги. В те времена пути честного слова и слова писательского были ужасны! Слово великого человека и писателя Александра Солженицына действительно должно было пробивать себе дорогу.

— Откуда вы брали то, что вошло в книгу? Статьи, стенограммы, письма?

— Все это, потратив не один месяц, с помощью друзей собрала Елена Цезаревна Чуковская. Представьте себе кучу статей, рецензий, выступлений, стенограмм и писем без какой-либо компоновки. На мою долю выпало сделать композицию — так, чтобы все это превратилось в читаемую книгу. Сборник начинался с вхождения Солженицына в литературу и заканчивался пятидесятилетием писателя, которое отмечалось ровно тридцать лет назад.

— Что заставило взяться за эту опасную по тем временам работу?

— Солженицын занимал всех: что он пишет, что говорит, что делает. Мы жили каждым его

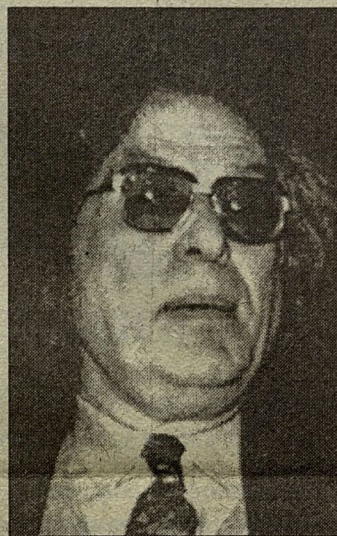
шагом. Елена Чуковская знала Александра Исаевича и помогала ему, о чем он сам рассказывал в одном из приложений к очеркам литературной жизни «Бодался теленок с дубом»... Я тоже знал Александра Исаевича и восхищался им. А когда я секретарствовал у Маршака до его кончины в 1964 году, я наблюдал борьбу за публикацию «Одного дня Ивана Денисовича» (Маршак, как известно, написал для Твардовского одну из рецензий на эту повесть и потом отстаивал ее в «Правде», когда она была выдвинута на Ленинскую премию). Рукопись прямо в руки Твардовскому передала замечательный редактор Анна Самойловна Берзер. Роль самого Твардовского была огромна: напечатать «Один день...» — для него это был вопрос жизни и смерти.

Когда появился «Один день Ивана Денисовича», возник необычайный интерес к рязанскому учителю, который до конца 1962 года все еще преподавал в школе физику. Все потрясло людей — и его повесть, и самый факт ее опубликования, и дальнейшие попытки печатать другие вещи: «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка», повесть «Для пользы дела»... Сборник так и строится: первые отклики, статьи Твардовского, Симонова, Бакланова, Солоухина, Иона Друце, отклики критиков — даже одиозного Ермилова, который тоже приветствовал появление этой повести. Конечно, все знали, что повесть напечатана с санкции Никиты Хрущева, который получил ее из рук своего помощника Лебедева... И у всех на устах был вопрос — кто он, автор «Одного дня...»? Да, бывало, что учителя писали книги — но эта книга была явлением литературы, совершенно необычным для советской действительности.

— Но это были более или менее благополучные для писателя времена, его даже выдвинули на Ленинскую премию...

— Да, и возникла опасность закрепить за произведением Солженицына славу выдающегося, достойного этой премии. А читатели у нас битые-перебитые, чующие все... В редакции посыпались письма, в которых высказывались сомнения: достоин ли это произведение такой высокой премии? Сначала это носило характер «дискуссии», «борьбы мнений»... Враждебность стала нарастать, когда скинули Хрущева. Газеты стали печатать отрицательные откли-

В издательстве «Русский путь» вышел сборник статей и документов об А.И. Солженицыне «Слово пробивает себе дорогу», составленный Еленой Чуковской и Владимиром Глоцером, в оформлении известного дизайнера книги Сергея Стулова. Это, пожалуй, единственная книга, посвященная А.И. Солженицыну, выпущенная к его 80-летию, которая впервые в полном виде воспроизводит самиздатскую рукопись 1969 года. Сборник представляет весь спектр отношений к Александру Солженицыну — со времени его вхождения в литературу и до изгнания из страны. Наш собеседник — один из составителей книги, литературовед Владимир Глоцер.

ки. Уже появился в «Известиях» несколько раз выступавший читатель с очень редкой русской фамилией Иванов — реальный, кстати, человек, рабочий завода им. Воровского из Мелитополя, с какими-то серьезными литературными претензиями. Он признавался, что получил сотни писем, в которых высказывались сомнения в его существовании и писал ли он письма сам. Писали ведь не только сотрудники Министерства охраны общественного порядка — страх, сидевший в людях, получал свое уродливое выражение. Люди еще не могли жить не по лжи, к чему призывал Солженицын. Такие письма тоже входили в сборник, поскольку составители придерживаются известных некрасовских слов: «Мы слышим звуки одобрения не в сладком ропоте хвалы, а в диких криках озлобленья»...

Следом еще один контрапункт. В 1967 году был созван Четвертый Съезд советских писателей. Солженицын обратился к съезду с блестящим, потрясающим письмом, где говорил, что литература в стране задушена, и требовал, чтобы негласная цензура была отменена. А во второй части письма касался истории своих произведений и ареста своего архива. Тогда писатели проявили известное мужество, которое многим не простили. Писатели обращались в президиум съезда в поддержку открытого письма Солженицына. Было и «письмо 80-ти», первой там стояла подпись Паустовского. Письмо Солженицына требовало обсудить на съезде даже Катаев. Тут же письма Виктора Конецкого, Георгия Владимова, горя-

чее письмо Павла Антокольского, адресованное Демичеву — тогдашнему министру культуры. Письмо Виктора Сосноры и «Речь, не произнесенная на съезде» Вениамина Каверина.

Солженицын между тем предложил секции прозы Московского отделения Союза писателей обсудить первую часть «Ракового корпуса» («Раковый корпус» и «В круге первом» скоро стали ходить по рукам). Сохранилась стенограмма этого обсуждения — она тоже есть в этой книге. История с открытыми письмами Солженицына и публикацией «Ракового корпуса» обсуждалась на секретариате Союза писателей, где присутствовало около 30 секретарей «и т. Меленчев от отдела культуры ЦК». Они делали вид, что никто из них не возражает против публикации и что вопрос должен решать сам Твардовский. Среди комических обвинений, которые бросали Солженицыну, было и такое: Солженицын не берет гонорара за свои публикации на Западе. И тем самым поддерживает капиталистический мир материально!

— В книге есть документы, входящие за пределы 1969 года. Они накапливались тогда же?

— Желание издать эту самиздатскую рукопись как книгу возникло только в новое время. Один из экземпляров сохранился — и вернулся из-за границы: в том же виде, та же машинопись... Составители отнесли к книге, как к документу времени — то есть ничего не убавили и не прибавили. Елена Чуковская дополнила книгу приложением, касающимся дальнейшей судьбы

Александра Исаевича в стране до его высылки. Последовало исключение его из Союза писателей — и протесты честных людей, а также очень известных иностранных писателей... Потом — пощечина власти, когда Солженицыну дали Нобелевскую премию. Власть лгала, что премия Солженицыну, как и Пастернаку, присуждена по политическим мотивам...

Волна ненависти к Солженицыну нарастала. На Западе вышел один из узлов его эпопеи — «Август Четырнадцатого». И уже никак не могла перенести власть, что вышел «Архипелаг ГУЛАГ», великая книга! Власть натравила на Солженицына всех гадов. Но беда в том, что в это были вовлечены и писатели, среди которых было много людей с дарованием. Травля Солженицына и Сахарова в те годы запачкала множество имен.

— В 60–70-е годы, пожалуй, не было писателя, о котором бы столько писали. Сегодня ваша книга оказалась фактически единственной, вышедшей к его 80-летию...

— Во-первых, речь об издании этой книги шла примерно с 1992 года. А вышла она только сейчас в издательстве «Русский путь», и это в некотором роде совпадение. А во-вторых, эта книга юбилейная по тону. И вообще юбилейные книги делать не нужно — это советская черта... Что касается Солженицына — были книги, выходявшие и на Западе, и в России. Но что вы хотите? У Александра Исаевича по-своему трагическая писательская судьба. Он был выброшен из страны вопреки воле лучших и честных людей, к которым и обращался. Удивительно то, что он не сдался, оторванный от этой земли, осуществил свой огромный замысел и вернулся полный сил и продолжающий писать и думать о стране. Он говорит то, что может не нравиться любой власти, не считаясь с ее вкусами и самочувствием. Это в некотором роде толстовская позиция: не могу молчать. Напомню, что возвращению Солженицына предшествовало издание свыше 30 его книг, среди которых два Собрания сочинений, — согласитесь, не так важно, что написано о писателе, важнее, что написано самим писателем. Слово Солженицына, безусловно, пробило себе дорогу!

Беседовал
Александр ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Независимая газета. — 1998. — 10 дек. — с. 9

Солженицын Александр

10.12.98